

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Л. С. Бархударов

Слово *перевод* имеет несколько значений. Можно, например, сказать про книгу: «Это—*перевод* романа Бальзака», т. е. словом *перевод* назвать саму книгу или сам переведенный текст. Можно сказать «Это—очень хороший *перевод*»; «Это—плохой *перевод*», имея в виду перевод как результат определенного процесса.

Однако в данной статье под словом *перевод* понимается не самый текст, который появляется в результате перевода, а процесс перевода, т. е. определенная деятельность, какая-то операция. *Перевод* в этом смысле—это преобразование текста на одном языке в текст на другом языке.

Допустим, нам дан текст на каком-то языке А. Очевидно, это слова, расположенные в определенном порядке, соединенные по грамматическим правилам, т. е. а, b, e, f, k...

Нужно перевести этот текст на язык Б. Получается текст на другом языке—другие слова и другое их расположение, т. е., скажем, *Б, М, П, Р, У*.

В результате у нас есть текст на языке, который можно назвать языком подлинника, и текст на языке перевода. Если, например, переводится текст с английского на русский, то английский язык есть язык подлинника, а языком перевода будет русский. Сравнивая эти два текста, мы устанавливаем разницу между ними, т. е. определяем, что, предположим, вместо слова *e* появилось слово *Б*, причем в английском тексте слово *e* стоит на третьем месте, а соответствующее ему русское слово *Б* оказалось на первом месте. Иными словами, устанавливается определенное соотношение между текстом на языке подлинника и текстом на языке перевода.

Задача теории перевода и заключается в том, чтобы вывести какие-то закономерности в этих отношениях, т. е. соответствия не единичные, индивидуальные, но постоянные соответствия языков, устанавливаемые в процессе перевода.

Почему вообще перевод возможен? Вопрос этот как будто странный, но все-таки стоит над ним задуматься.

Допустим, мы видим, что в комнате стоит какой-то предмет. Люди, которые говорят на разных

языках, назовут его по-разному: русский—словом *стол*, англичанин—*table*, француз—*la table*, для немца это *der Tisch*, иначе говоря, в каждом языке этот предмет будет иметь свое название. Все эти слова звучат по-разному, но выражают одно и то же понятие, т. е. называют одну и ту же вещь.

Перевод возможен именно потому, что в разных языках есть языковые единицы, которые различаются по языковой форме, но совпадают по значению. Поэтому очень важно, чтобы текст на языке перевода соответствовал по содержанию тексту на языке подлинника.

Внешне, как будто, все обстоит просто: достаточно подставлять вместо слов одного языка слова другого языка и перевод будет готов. Если бы это было так, то переводить было бы в высшей степени легко. Однако перевод—процесс очень сложный. Язык—это не совокупность каких-то отдельных слов, не список слов, но очень сложная система; это механизм, который в каждом отдельном случае построен по-разному. Каждый язык имеет свой внутренний механизм, настолько отличный по своей структуре от механизма другого языка, что установить постоянное соответствие между отдельными изолированными элементами можно только как исключение. Отсюда и происходят трудности перевода.

Постараемся ответить на вопрос: с какими конкретными трудностями приходится сталкиваться при переводе? Почему перевод—это не просто замена слов?

Начнем с самого очевидного. Общеизвестно, что наибольшую трудность для переводчика представляет многозначность слов. Многозначность является характерной чертой не только слов, но и любой значимой языковой единицы, но для простоты и наглядности здесь говорится о словах.

Говоря о соответствии русского слова *стол* словам других языков, мы значительно упростили картину, показав только частичку сложных отношений между значениями слов. Русское слово *стол*—это не только обозначение предмета мебели; употребляясь в словосочетаниях *паспортный стол*, *адресный стол*, оно обозначает учреждение; существует

также значение слова стол, как «пища», «диета», «питание», например в словосочетании *вегетарианский стол*. Можно найти и другие значения этого слова.

Английское же слово *table* совпадает с русским словом *стол* только в одном значении, т. е. как обозначение предмета мебели. Но английское слово *table* также имеет значение «таблица», «расписание», которого нет у русского слова *стол* и т. д.

Таким образом, отношения между английскими и русскими словами можно представить как частичное совпадение: в определенных значениях они совпадают, в остальных же значениях нет. Есть и исключения: существуют слова, которые полностью совпадают в обоих языках, например русское слово *сентябрь* и английское (и немецкое) *September*. Наблюдается это явление в основном у имен собственных (и то не у всех), а также у названий месяцев и дней недели, близких по характеру к именам собственным. Но это—случай исключительный. Как правило, такого полного «наложения» слов нет.

Научные термины обычно приводятся как пример слов, которые имеют только одно значение и всегда совпадают в разных языках. Но даже научная терминология многозначна. Так, слово *корень* в математике (*квадратный корень*), в языкознании и в ботанике имеет различные значения. Английское слово *power* в тексте, относящемся к физике, на русский язык будет переводиться как *мощность, сила, энергия* (т. е. даже в пределах одной науки нет однозначного соответствия); в математическом же тексте— как *степень*. Подобных примеров можно привести много.

Как же переводить в таких случаях?

Следует иметь в виду, что многозначность слова существует лишь как абстрактное понятие, лишь в отношении изолированных слов. В тексте же слово всегда однозначно. Но переводятся не слова, а связанные тексты, т. е. по меньшей мере одно предложение (чаще — целые группы, последовательности предложений, абзацы и пр.). Стало быть, при переводе нужно выводить значения слов из контекста, т. е. из окружения, в котором встречается данное слово.

Но такой ответ еще далеко не решает вопроса. Контекст бывает двух видов — узкий и широкий. Обычно термин *узкий контекст* употребляется в смысле «контекст данного предложения», а *широкий контекст* обозначает целую группу предложений— это может быть абзац, страница, глава, даже целая книга.

В большинстве случаев многозначность слов разрешается в пределах узкого контекста. Например, чтобы знать, как перевести на английский язык слово *стол*, нужно определить, в каком значении оно употребляется, а для этого надо посмотреть, что ему предшествует или что за ним следует в данном

предложении. Если рядом с ним стоит прилагательное *круглый*—это *table*, если *адресный*—это *bureau*, а если *вегетарианский*—это *diet*. Иначе говоря, в этом случае значение слова можно уточнить путем проверки его непосредственного окружения. Это—самый простой случай.

Но чаще, чем это кажется, в языке встречаются случаи, когда значение слова можно выяснить только из широкого контекста, т. е. когда анализ данного предложения недостаточен для понимания значения слова и, следовательно, для правильного перевода. В этих случаях для того, чтобы уточнить значение данной языковой единицы, нужно проанализировать не только данное предложение, но и более обширный текст.

Так, например, в одном из произведений Тургенева есть фраза: «Его отец служил чиновником в Петербурге». На первый взгляд перевод этого предложения не представляет особых трудностей. Однако если нужно перевести это предложение на английский, немецкий, французский языки, в которых существует не одна форма прошедшего времени, а две (так называемые «простое прошедшее время» и «давнепрошедшее время»), то это предложение без широкого контекста перевести нельзя.

В самом деле, что значит *Его отец служил чиновником в Петербурге*? Когда он служил? В тот момент, о котором идет речь, который описывается в романе, или когда-то прежде, когда герой был еще ребенком? В этом случае нужно обязательно учесть широкий контекст, т. е. по содержанию всего произведения прийти к выводу о том, идет ли здесь речь о моменте, который описан в романе, или же о предшествующем периоде времени. В зависимости от этого выбирается форма прошедшего времени в переводе—«простое прошедшее» или «давнепрошедшее» (*Plusquamperfect*).

Когда переводят на русский язык с английского, немецкого или французского языка, то возникает другая проблема—выбор вида русского глагола, ибо видовые значения, которые передаются двумя русскими формами: *он писал письмо, он написал письмо*, как правило, не находят грамматического выражения в этих языках. Поэтому для выбора правильной формы нужно и в этом случае знать широкий контекст.

Но иногда даже учет широкого контекста недостаточен для перевода и оказывается необходимым знать то, что мы называем внеязыковой ситуацией, т. е. действительность, сами факты реальной жизни.

Проиллюстрируем эту мысль таким примером: *Он был сыном Карла Великого*. Если это предложение переводится на языки, в которых нет артикля, никакой проблемы не возникает, но если нужно это русское предложение перевести на язык немецкий, французский или другой, в котором есть артикль,

то этого сделать нельзя, не зная, сколько было у Карла Великого сыновей: если у него был всего один сын, то нужно употребить определенный артикль, если же у него было несколько сыновей, и речь идет об одном из них, то требуется неопределенный артикль. В этом случае нужно знать историю¹.

При переводе художественной литературы это вполне обычный случай. Переводчик должен знать реальную жизнь, обстановку, в которой написана книга, взгляды автора, его политические симпатии, его художественные вкусы и т. д., иначе перевод будет неверным.

Что такое «неверный перевод»? Это понятие очень абстрактное. Можно различать две системы неверного перевода: буквальный перевод и вольный перевод. И то, и другое есть перевод ошибочный, но это разные ошибки, прямо противоположные друг другу. При этом буквальный перевод — это самая распространенная ошибка; вольный перевод встречается реже.

Надо иметь в виду, что не всякий перевод «слово в слово» — буквальный. Если этот перевод правильный (могут быть и такие случаи) — это не буквальный перевод. Буквальный перевод — это такой пословный перевод, при котором либо искажается смысл, либо нарушаются правила языка, на который сделан перевод.

Примером буквализма может служить следующий: в английском подлиннике встретилось выражение *a regular ass*; переводчик перевел его как *Он регулярный осел*. Но английское слово *regular*, кроме значения «регулярный», имеет очень много других значений, особенно в разговорном языке. Это предложение следовало перевести *Он настоящий осел*, *Осел да и все*, *Совершенный осел* или даже *Круглый дурак* (совершенно необязательно было здесь сохранять слово *осел*). Русское же слово *регулярный* имеет другие значения и абсолютно неприменимо в данном случае².

Второй вид перевода — перевод вольный. В середине прошлого века в России работал довольно известный переводчик с английского языка Иринарх Введенский, который перевел романы Диккенса, Теккерея и других английских классиков. И. Введенский отличался пристрастием к вольным переводам. Это пристрастие доходило до того, что он иногда добавлял от себя целые страницы, которых нет в подлиннике.

Вот один пример вольного перевода у И. Введенского. В английском подлиннике (у Диккенса) сказано очень просто: *I kissed her*—*Я поцеловал её*. Здесь всего три слова, и так же нужно переводить. Но

¹ См. сходный пример в кн.: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., 1964, стр. 62.

² Пример заимствован из ст. И. Кашкина «Ложный принцип и неприемлемые результаты» («Иностранные языки в школе», 1952, № 2).

Введенского это не устраивает, и он переводит: *Я запечатлел поцелуй на её вишневых губах*. Этот перевод, конечно, вольный, потому что, вообще говоря, не исключено, что у героини губы были действительно вишневые, но сам Диккенс об этом ничего не говорит. Более того, тут есть еще и стилистическое несоответствие, ибо *поцеловал*—слово обиходное, а *запечатлел поцелуй*—выражение высокого стиля. Таким образом, то, что у Диккенса выражено очень просто, у Введенского переведено высокопарным слогом, т. е. он искажил стилистическую характеристику подлинника: стиливая окраска в данном случае у Диккенса—нейтральная, а у Введенского—высокая, приподнятая.

Это искажает впечатление о художественной манере автора оригинала.

Таким образом, вольный перевод и буквальный перевод — это две крайности, которых нужно избегать. Перевод должен быть адекватным, т. е. правильным, точным, но в то же время соблюдающим нормы языка, на который сделан перевод. Адекватность перевода состоит в следующем: а) точная передача содержания и б) полное соблюдение норм, правил языка, на который делается перевод, при этом правил не только лексических и грамматических, но и стилистических.

До сих пор речь шла в основном о проблемах, связанных с многозначностью. Но это далеко не все. При переводе, как уже говорилось, нельзя ограничиться простой подстановкой одного слова вместо другого. Если переводчик решил, что слово *стол* употреблено в значении «предмет мебели», это еще не значит, что вместо русского *стол* можно подставить английское *table* и все будет в порядке. Может оказаться, во-первых, что соответствующее английское слово (или слово любого другого языка) необязательно нужно поставить в том же самом месте, в каком оно стоит в языке подлинника, — в переводе оно может оказаться и в другом месте предложения. Но может случиться и так, что в переводе данного слова вообще может не быть. Или, наоборот, в переводе может появиться слово, которого нет в подлиннике, но которое нужно добавить в текст перевода.

В связи с этим мы можем говорить о четырех типах преобразований при переводе: 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения.

Все эти четыре вида преобразований всегда в той или иной форме имеют место при переводе, причем очень часто одновременно производятся и перестановка и замена, и перестановка и опущение и т. д.

Приведем несколько очень простых примеров, чтобы проиллюстрировать каждое из этих явлений.

Перестановка — это изменение порядка слов.

Видимо, нет нужды подробно комментировать эту простую операцию.

Следует, однако, обратить внимание на то, что свободный порядок слов в языках типа русского представляет большую трудность для переводчика. И это не парадокс. Если бы порядок слов в русском языке был твердым, как в английском, то переводить было бы проще. Трудность состоит в том, что изменять порядок слов в русском предложении можно, но эти перемены влекут за собой иногда смысловые, а чаще стилистические нарушения.

В английском же языке порядок слов твердый: подлежащее + сказуемое + дополнение. Если в переводе на русский язык сохранить такой же порядок слов, может получиться искажение норм русского языка, потому что очень часто в русском языке подлежащее нужно поставить в конец предложения. Такие перестановки, естественно, встречаются там, где в двух языках порядок слов разный.

Замены могут быть различными. Могут быть замены чисто лексические, когда одно слово заменяется другим, не соответствующим ему в словаре. Лексические замены во многих случаях сопровождаются грамматическими заменами, в частности заменой части речи. Например, то, что выражено в одном языке прилагательным, может в другом выражаться наречием; тогда это слово, естественно, должно быть соотнесено с глаголом. Это будет перестановкой и одновременно заменой.

Так, в английском языке может встретиться предложение: "He is an early riser". Буквально *early riser* означает нечто вроде «ранний вставатель». Однако единственный способ перевести это предложение, очевидно, такой: *Он привык рано вставать*³.

Этот пример интересен тем, что тут одновременно имеет место несколько приемов. Во-первых, существительное заменяется глаголом. Это, в свою очередь, требует других замен: существительное определяется прилагательным, глагол же не может им определяться. Стало быть, нужно прилагательное заменить наречием: *early* *ранний* заменяется наречием *рано*.

Но и этого мало. В переводе опущена связка, как это обычно имеет место в русском языке в настоящем времени. Далее, в английском предложении употреблено отлагательное существительное, в русском же появилось слово *привык*, которого нет в подлиннике, хотя это не вольный, а абсолютно адекватный перевод. Почему в английском предложении использовано существительное? По-английски тоже можно сказать *He rises early—Он рано встает*. Но это предложение отличается по смыслу от исходного тем, что глагол означает временный признак, а существительное—постоянный. Можно сказать: *Он поет*, что означает его умение петь. Но если мы ска-

жем: *Он—певец*, то тем самым мы охарактеризуем постоянное свойство человека, его профессию, основное занятие и т. д. Точно также и в нашем примере употребление английского существительного *riser* означает, что речь идет не просто о действии, а о какой-то постоянной характеристике, что этот человек по натуре своей «ранний вставатель», т. е. что он привык, имеет обыкновение рано вставать.

Этот пример иллюстрирует замену и добавление, добавление вполне оправданное, более того, необходимое.

Примером опущения может служить перевод данного предложения с русского языка на английский, при котором слово *привык* окажется опущенным. Там, где при переводе с языка А на Б добавляется какой-то элемент, при обратном переводе с языка Б на А этот элемент, естественно, будет опущен.

Такие наблюдения интересны тем, что они помогают вскрыть разницу между структурой двух языков. Отсюда можно сделать вывод, что учебный перевод — это не только практика, не только практические упражнения, но и процесс, помогающий уяснить разницу между двумя языками. Заниматься переводом нужно не только в чисто утилитарных целях. Для человека, который изучает иностранный язык, перевод является наиболее наглядным способом выявить отличия структуры одного языка от другого.

В процессе перевода наблюдается еще одно явление, которое выходит за пределы предложения. Очень часто встречаются случаи, когда в подлиннике одно предложение, а в тексте перевода появилось два, т. е. производится членение предложения. Например, в английском языке, где слова относительно короткие, могут употребляться длинные предложения; в русском же языке слова в целом длиннее, чем в английском, и при переводе часто приходится членить предложения, чтобы избежать употребления чересчур громоздких конструкций.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что научиться переводить нельзя до тех пор, пока не научишься одновременно производить сложные преобразования, сложные трансформации предложений. Очень хороший путь овладеть этим умением (хотя это, конечно, не рецепт на все случаи жизни) — сначала научиться производить трансформации внутри данного языка. Обучая студентов переводу на тот или иной язык, надо предложить им сначала «перевести» данное предложение в пределах своего родного языка. Так, прежде чем предложить студенту перевести какое-либо предложение, например, на английский язык, полезно попросить его «перевести с русского на русский», т. е. выразить ту же мысль на родном языке иными средствами и когда он с этим справится, то легче сделает и перевод. Это — методический прием, который очень помогает в работе над переводом.

³ См. Т. Р. Левницкая, А. М. Фитерман. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М., 1963, стр. 84.